

«Дон» (Воронеж) 1891, 27 января, № 12

с. 4

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ. Второе представление „Гаспарона“ (среда, 23-го января) состоялось при исключительно благоприятныхъ обстоятельствахъ. Привлекши видѣть подъѣздъ и фасадъ театра ярко освѣщенными, любители оперетки, подходя къ театру, съ удивленіемъ замѣтили, что яблочковскій фонарь надъ подъездомъ потуши, а окна фойе глядятъ мрачнѣе ночи. Весьма многие рѣшили, что спектакль отмененъ и повернули назадъ, не взявъ билетовъ. Но спектакль не былъ отмененъ, а просто съ электричествомъ произошелъ казусъ. Въ водопроводѣ не хватало воды для пара, а когда пожарные навезли воды своими бочками, то стали шалить паровики. Пришлось уставлять сцену керосиновыми коптилками и при такомъ освѣщеніи, въ полутьмѣнѣ были сыграны два акта. Наконецъ, электричество засяло, но только въ буфетѣ надъ буфетной стойкой, а въ зрительной залѣ по прежнему царилъ темнота. Второе обстоятельство, смутившее публику, была близость г-жи Смолиной, которая должна была пѣть въ «Гаспаронѣ» партію Зоры. Но, въ концѣ концовъ, этимъ обстоятельствомъ слушатели остались довольны, такъ какъ г-жа Полонская исполнила эту партію такъ прекрасно, что аплодированій единодушно. Можно даже сказать больше: г-жѣ Полонской Зора удалась лучше, чѣмъ г-жѣ Смолиной при первомъ представленіи пьесы. Особенно понравилась публикѣ исполненіе ею дуэта съ Беноццо, во 2-мъ актѣ («Ночь такъ была темна»), и серенада съ хоромъ во 2-мъ актѣ. Г. Розановъ партію контрабандиста Беноццо пропѣлъ тоже прекрасно, увѣренный и жевѣтъ, чѣмъ въ первый разъ. Г. Волтовской (подеста Назоли) удался въ сценѣ допроса (3-й актъ) — Г-жи Бояговъ и Чирская (графиня Санта-Кроче и Зеновля) свои партіи исполнили съ прежнимъ успѣхомъ.

Во четвертъ, 24-го января, мы увидѣли «Шивони», четырехъ-актную драму г. Чехова. Хотя пьеса эта и не шла еще на воронежской сценѣ, но года полтора тому назадъ была напечатана въ «Библіо-и Вѣстникѣ», такъ что содержаніе ея болѣе или менѣе извѣстно читающей публикѣ. Въ части прессы она имѣла горячихъ хвалителей, но этотъ успѣхъ — такой же раздутый, какъ и вообще лите-

ратурная дѣятельность ея молодого автора. Скажемъ прямо: въ чтеніи, какъ литературное произведеніе, драма произвела на насъ впечатлѣніе вещи, написанной человѣкомъ, страдающимъ печенью и подерженнымъ галлюцинаціямъ. Мы ожидали, что при постановкѣ на сценѣ, пьеса произведетъ иное впечатлѣніе, но увя — оно только обострилось, а не изменилось. Свѣжему человѣку, слушавшему эту драму, непремѣнно должно было казаться, что онъ попалъ въ сумасшедшій домъ, и онъ, этотъ свѣжій человѣкъ, только удивлялся, какъ это герои пьесы г. Чехова разгуливаютъ на свободѣ, а не нахоятся подъ присмотромъ докторовъ. Самое отталкивающее, самое гнетущее впечатлѣніе производитъ первый герой пьесы — Ивановъ, больной, близкій къ умопомѣшательству, онъ въ продолженіи четырехъ актовъ мучитъ и жену, и невѣсту, и всѣхъ окружающихъ, мучитъ безъ толку, мучитъ бессознательно, замучиваетъ, наконецъ, жену и самъ застрѣливается. И его, этого полусумасшедшаго субъекта, слушаютъ, съ нимъ спорятъ, его любятъ, видятъ въ немъ даже человека съ «направленіемъ». Это «направленіе», помысь гамлетовщины съ приданатіемъ признаетъ за нимъ даже авторъ и носитъ съ нимъ четыре акта, не умѣя ни однимъ словомъ опредѣлить, что-же это за «направленіе». Такимъ образомъ, до паденія занавѣса Ивановъ остается большимъ вопроствельнымъ явленьемъ; болнымъ дѣтищамъ больной фантази автора. А если таково главное лицо пьесы, то объ остальныхъ и говорить нечего. Эти тоже болны, каждый на свой ладъ. Больна частоткой женою Иванова, болена ненормальной често-

стью земский врач Львовъ, больна психопатическая барышня Саша Лебедева, больны горькие пьяницы и мотыги Лебедевъ Баркинъ, графъ Табельскій, больны и всѣ другіе. Зрители вынесли со спектакля самое тяжелое впечатлѣніе. А жаль: пьеса была исполнена не по заслугамъ хорошо. Г. Варшавскій-Доминъ, вставшій Иванъ-ва, прекрасно пердалъ эту болѣзненную фигуру, носящую всѣ признаки члвчвк съ тронувшейся головой, мучащаго и себя и другихъ. Мы думаемъ, что автору, увидавъ такое яркое воспроизведеніе своего героя, оставалось бы одно — снять свою пьесу со сцены. Г-жа Мазуровская играла много слабѣе. Этой исполнительницѣ много вредилъ неудачный гримъ. Во всякомъ случаѣ, Иванова г-жи Мазуровской не была члхоточной женщиной. Осталось также не выясненнымъ исполнительницѣ, почему молодой земскій врачъ Львовъ полюбилъ эту несчастную женщину. Предсмертный монологъ Ивановой и объясненіе ея съ мужемъ, во 3-мъ актѣ, были г-жей Мазуровской переданы очень реально и талантливо. Много удовольствія доставилъ публикѣ исполненіемъ роли подневольнаго мужа Лебедева — г. Волховской. Хороши были г-жи Черская (Лебедева), Львинская (Бубакина), и г. Бьяневъ (графъ Табельскій). Г-жа Некрасова, въ роли эксцентричной дочери Лебедева, была очень слаба.

Г. Полонскій для своего бенефиса (пятница, 25-го января), выбралъ оперетку «Тайны Канарскихъ острововъ». Публика осталась очень недовольна и пьесой, и исполненіемъ. Пьеса — скучна по содержанию, безцвѣтна по музыкѣ и вяла по исполненію. Если кто и выдавался въ этотъ вечеръ, то это г-жи Полонская и Бюльсъ. Первая пѣла Пенцину, а вторая — Инессу. Обѣимъ анюдирировали очень усердно. Коимъ четырехъ другихъ исполнителей: г- Бьяневъ, Волховского (два враждующіе генерала), Полонскаго и Розанова (мужья Пенцины и Инессы) было весьма сомнительнаго качества. Дирижировалъ опереткой г. Чаровъ, и это, быть можетъ, спасло ее отъ окончательнаго првала.

Нѣсколько словъ по адресу дирекціи. Нынѣшній сезонъ noch и совсѣмъ не ставился водевилы и этимъ публика очень недовольна. Если для серьезной комедіи въ театрѣ вѣтъ полного комплекта исполнителей, то для водевилы они нашлись-бы. За пслдніе годы, одноактные шутки, фарсы и водевилы вышло въ свѣтъ неисчислимаго количества, такъ что вырвать есть изъ чего: право, лучше прслушать хроще исполненіе „Медвѣдя“, чмъ терзаться смтрѣ на какую нибудь драматическую чепуху, вроде „Иванова“. Своей язвливой въ этомъ отношеніи дирекція вредитъ прежде всего самой себѣ.

В. Цръжскій.